

Путешествие в царство Книги

Библиотека Ватикана хранит сотни Библий. Каждое время представляет на суд Божий свое прочтение Вечной книги, данной единой и на века. И в спокойное, и в лихое время возникает потребность выразить свое видение, свое осмысление, постижение священного текста. По библиотеке, собранной из одних только Библий, можно путешествовать бесконечно и слышать шум времени, перекличку веков и судеб, и сердец, надежд и заблуждений людей, собранных в томах одной и той же книги. Неудивительно, что и в наше время люди хотят передать смыслы, которые им открыл бездонный и бесконечный мир Библии. Наш век не исключение.

Какая она – Библия глазами человека XIX века?

Вот перед нами первая книга нашего века. Не целиком – лишь фрагмент. Ветхий Завет, Книга Царств (Издательство «ФилЛиН», Москва, 2012). Это удивительное издание. Почему? Потому хотя бы, что удивляет с первого взгляда. Если смотреть на него как на арт-объект, сомнений нет. Современная красивая вещь, постепенно раскрывающая свои смыслы. Кому-то напомнит шахматную доску, кому-то кубик Рубика, кому-то... что-то поумнее и поинтереснее. Кто-то иронично улыбнется: вещь в себе. Но это не только арт-объект, это – Книга. И прежде всего Книга. Чем больше на неёмотришь, тем более естественным кажется книжное решение Книги книг.

Деревянный корпус? Ну конечно. Библия – праматерь всех библиотек. Она дала свое имя хранилищам книг. Поэтому деревянный корпус-хранилище отсылает читателей и зрителей к первоосновам. Само дерево венге природно-чёрного цвета появилось на земле вместе с мудростью Библии, произрастало рядом, развивалось па-

раллельно. И вместе спасено, как всё живущее на земле, и как красота вечной мудрости Библии, несмотря на все перипетии истории. Может, кому-то деревянный остов напомнит ковчег Ноя. Там спасены все жизни, здесь спасена Книга, в которой основы нашей жизни.

Вмонтированный в корпус яркий синий том текста выглядит на первый взгляд непривычно. В многовековой традиции Библию оплетали кожей. Сначала из соображений практичности, чтобы со временем не затереть страницы. А начиная с прошлого столетия кожаный переплет стал читаться как старинная дорогая вещь. Так почему же здесь шёлк и такого яркого цвета? Да потому что Книга Царств едва ли не самая драматичная часть Ветхого Завета. Кровавая жестокая история необузданной страсти, противостояний власти и народа, возмездия и разрушения тирана, самоуничтожение личности и соблазны, великие цели и тлен повседневности. Век от века человечеству всё труднее погружаться в эти миры. Психологи-

ческая усталость в наши дни дошла до степени хронической усталости. Тяжело входить в тёмные своды этих миров. И тёмный переплет многих остановит. Не будем лукавить – всё так. Потому цвет этой книги празднично-синий, яркий. Мудрость должна дарить радость. Только тогда к ней можно призывать, только тогда можно отозваться на её зов.

Вынимаем томик Царей Ветхого Завета, держим в руках, открываем крышку тяжелого футляра. Что там внутри? Листы иллюстраций, сложенные вдвое. И цитаты из Книги. Таким образом и сами картинки ведут диалог друг с другом. И изображение ведет разговор с текстом. Это диалог вечного текста и сегодняшнего его прочтения.

Но и это еще не всё. У читателя есть право на выбор: читать ли текст и искать в иллюстрациях соответствие или, отталкиваясь от иллюстраций, заново погружаться в знакомый текст Библии. Это игра под стать музыкальной импровизации, свойственной нашему современнику.

Команда типографии братьев Франк на фоне виллы Контарини, постройки Андреа Палладио

Поразмыслив над всем этим, приходишь к выводу, что это Библия XIX века, и иначе её издать было бы просто невозможно.

А кто же они – те люди, кто взял на себя смелость говорить от лица современности, вступив в разговор с Библией? Кто претендует на современное отражение Человека, Времени и Мира? Или иначе – Человека в пространстве времени и вечности, актуального сегодня в столкновении с Непреходящим и Вечным?

«В поисках себя и смысла жизни главное – не отклоняться от темы. И ты всё найдешь, но сначала тебя изрядно помытарят», – и грустно, и с юмором говорит Юрий Чарышников, автор иллюстраций Книги Царств Ветхого Завета.

Его Цари – это инженерные конструкции, совмещающие высоту власти, разворачивающей крылья самолетов, и саморазрушение. Войны, обращающие величие в прах, и созидание нового мира... Возрождение старых смыслов и власть новой идеи. Обращение миров.

С этой темой он работал многие годы. Только так художник мог освоить собственный опыт, принять свою судьбу. Ничего удивительного — Библия каждому человеку даёт этот шанс.

Ю. Чарышников. Иллюстрация из Книги Царств Библии

Ю. Чарышников. Иллюстрация из Книги Царств Библии

Но удивительна судьба Чарышникова. К 1990 году он уже был прославлен и знаменит в книжном мире. В 1983 году получил «Золотое яблоко» на книжной выставке в Братиславе, в 1989-м получил награду на книжной выставке в Лейпциге. Казалось бы, с началом перестройки кому, как не ему, было вознестись от открывающихся возможностей. В литературе сняты все запреты, можно предлагать иллюстрации к его любимым Хлебникову и Мандельштаму. Можно принести своего Гоголя, Моцарта, Гофманиана и Мюнхгаузена – да все теперь можно! Но только оказалось – не нужно...

Книжная промышленность раздулась и пополнилась множеством скороспелых издательств, а искусство книги рухнуло. Ни макет, ни иллюстрации оказались не нужными в новом мире. В новом книжном царстве-государстве. Газетная бумага, поток информации, классика, выпущенная наспех, и книги-однодневки

впережку друг с другом, что вскорее сказалось и на вкусе к литературе. Теперь уже издаются классика в кратком изложении и тестах для ЕГЭ.

На рубеже веков в нашей стране у книги судьба не задалась. Еще хуже она сложилась у художников-иллюстраторов. Первым делом у тех, кто жил не в столицах. А Чарышников жил не в столице. Да не просто не в столице! Во Львове! Где еще до отказа от большой литературы сам русский язык оказался под запретом. И всё, что выходило в те годы, выходило в плохом и неточном переводе. Все его иллюстрации и эскизы остались пылиться на полках издательств. Хорошо, что остались. Мастерская стогрела, и в ней погибли листы и металлические формы офортных эскизов фарфоровых статуэток к «Кораблю дураков» и многое другое, что и не вспомнить. Вспоминает, когда спрашивают: «А вот это у тебя было»... – «Было», – соглашается.

В столицах Чарышникова никто не ждал. Здесь свои ходили без работы. И тогда он отправился в никуда. Точнее туда, где принимали всех наших, – в Соединенные Штаты Америки. Взять по дешевке десяток выдающихся художников – дело хорошее, даже если окажутся не нужны (а так и оказалось). Художники украшают мир своим присутствием. На сегодняшний день в США более пяти миллионов художников. А у нас?..

– Я уезжал в 1990-е, – вспоминает художник. – Из мира, в котором не мог рисовать. Потому что Цари мои никому были не нужны. А приехал в мир, где не только мои Цари, но и я сам был никому не нужен. Я столкнулся с цивилизацией, в которой не мог жить, к которой не мог привыкнуть. После уютного барочного Львова, где, кажется, все люди знают друг друга по именам, говорят на одном языке, я столкнулся с огромным пространством – мостов, ангаров, аэ-

ропортов, огромного движения людей, не знающих друг друга и говорящих на разных языках. Даже русская эмиграция не может найти общего языка. Первая волна эмиграции выносила людей, связанных общей бедой. Волна 1990-х выбросила на новый берег одиночек, каждый бежал сам по себе от своих бед, не хотел о них рассказывать и слушать других. Никакого общего круга, ничего общего – разрозненные обломки судеб, израненные и одинокие люди.

Я поселился в Нью-Джерси, в доме, где живут выходцы из разных стран. Все мы, как в Ноевом ковчеге, спасены от своих напастей, не знаем языка соседа, мы даже не строим Вавилонскую башню, всё построено до нас, а нам тут жить.

Я не мог всего этого принять и осмыслить. Но для меня как для художника оказалось неважно, принимаю я этот мир или не принимаю, вхожу я в него или не вхожу как человек. Это мое личное дело, никого не касается. Но через художника проходит весь мир, пронизывает его стальными нитями, нанизывает его на свой каркас и ведет его рукой новую линию. Я понял это, когда оказалось, что несколько моих рисунков Царей уже нарисованы. Пока я страдал и не понимал, стальная линия вела меня и создавала холодные инженерные конструкции.

Невероятно, но осмысление мира шло помимо моей воли. И я, человек, не осознавал себя художника. Что я рисую? Что это значит? Холодный мир пронизывал меня. И я покорился новой линии. Я рисовал, входил в эти конструкции и обживал их как человек. И неожиданно мне стало хорошо. Я понял, что эти конструкции наполняются мной. Моей индивидуальной волей, моей болью, моей судьбой. Я думаю, каждый человек, кто смотрит на мои рисунки Царей, наполняет их собой, своими вопросами, и может найти ответы на них в вечной мудрости Книги. Всё случайное, малое, что есть в человеке, что волнует только его и незаметно другим, находит свое место. Все смыслы Библии проступают в человеке, глядящем через стальные линии моих рисунков. Мне так кажется.

Художник всегда рисует для самого себя, он единственный зритель. И

даже когда я думал, что Цари не будут изданы и увидены другими людьми, я был рад, что нашел себя и не потерял собой. Я – человек. Я обрел мудрость мира, войдя в мир художника.

Я очнулся и услышал: за правой стенкой поёт джазовая певица, кажется, пуэрториканка. Она не знает, не слышит, а подо мной сел за рояль джазовый пианист-негр. Он преподаёт джазовую композицию в Беркли. И их звуки в пространстве моей квартиры не какофония. Их звуки – свобода, импровизация! Я страшно благодарен США за джаз, за свободу импровизации, за то, что ты можешь делать, что хочешь, не волнуясь, что тебя не слышат. Стальной холод меня перестал пугать. Вершины смысла всегда далеки и страшны, но они же радуют светом человека, решившегося поднять к ним глаза.

Когда я закончил свой цикл Книги Царств, мне стало казаться, что рисунки хорошие. Мудростью и страданием. А зрителю они дают свободу воспринимать их как угодно. Как ков ты, так ты и прочтешь Библию – сегодня и сейчас. А все пережитое учит тому, что все было не зря.

За двадцать лет жизни в Америке наш львовский русский Чарыш-

Юрий Чарышников

ников победил в конкурсе «Золотая кисть» в Голливуде, получил золотую медаль ООН, его работы закупили Фонд Рокфеллера, Музей современного искусства в Кельне, Музей декоративного искусства в Праге. В Третьяковке и Пушкинском его работы были ещё до отъезда. Десяток персональных выставок по всему миру. Его работы во многих частных коллекциях музейного значения. Фонд Горбачева дарил его гравюры Маргарет Тэтчер. Но тем не менее мечта о книжках оставалась мечтой, пока он самостоятельно, не сделал своими руками макет и иллюстрации «Записок сумасшедшего» Гоголя. Книга технически сложная, с игрой двух цветов – белого и серого, с тончайшими архитектурными построениями. Киевское издательство «Грани» взяло его работу на свой страх и риск, и книга получила

Гран-при на Международной книжной выставке-ярмарке в Москве. Потом эта книга попала в руки Юрию Любимову, и Мастер притащил Чарышникову из Америки ставить «Арабески» Гоголя на Таганке. Триумф, признание...

А дальше что? Мечта о книжках всё не сбывается. Гран-при хорошо, но «серый цвет не тот»...

Изготовление деревянного футляра. Ручная работа

Двенадцать тонов черного переда- ны только двумя красками! «Но по- другому сейчас книжки не делают, – объяснили в издательстве, – и так до- рого вышло». Да и на такую же, пусть упрощенную книжку заказов не по- ступало.

«Корабль дураков» Брандта вышел в конце 2011 года. «Ну хоть от автор- ства отказывайся! – говорит Чарыш-ников. – И Брандт бы отказался, если бы прочел на «мове» свой текст, даже не с немецкого переводили, а с русско- го перевода». Когда Чарышников про- изнес эту грозную реплику, он ещё не знал, что «Корабль дурнив» получил высшую награду на Международной выставке в Астане. Никто его не по- здравил, а в Интернете он не прочёл (не любит современных технологий). Буквально через месяц после этой гневной фразы он победит с «Дурня- ми» на Московской книжной ярмарке в номинации «Арт-книга».

На постановку оперы «Волшеб- ная флейта» в Киевском театре, где по замыслу Любимова и Чарышнико- ва, должны были собраться наши луч- шие певцы, кто скитается по зарубеж- ным антрепризам, денег в Украине не нашлось.

На джазовые «Семь снов», где ху- дожник и декорации, и либретто для композитора Юрия Яремчука напи- сал, средств опять не хватает.

В Торонто, правда, репетируют спектакль в его оформлении, но это в Торонто. А на родине?

И опять же при всем увлечении театром, художнику-иллюстратору грезятся книги – главная любовь его жизни. Все эти двадцать лет он рисо- вал для себя Царей Ветхого Завета. Чем больше говорили, что надо упро- щать иллюстрацию, тем сложнее он рисовал. «Можно я буду рисовать, как хочу. Раз всё равно никогда не будет издано, раз все равно ничего нельзя, я буду рисовать, как хочу. А я хочу всё».

Неожиданно ему позвонил друг из Москвы, художник-дизайнер Кон- стантин Журавлёв и сказал: «Юра, приезжай с Царями. Есть издатель- ство, они тебя ждут» – «А что за из- дательство? Что издают?» – «Да ниче- го ещё, решили с Библии начать. Ни- чего удивительного, многие начинают с Библии — и Эльзивиры, и Альды. Да все...»

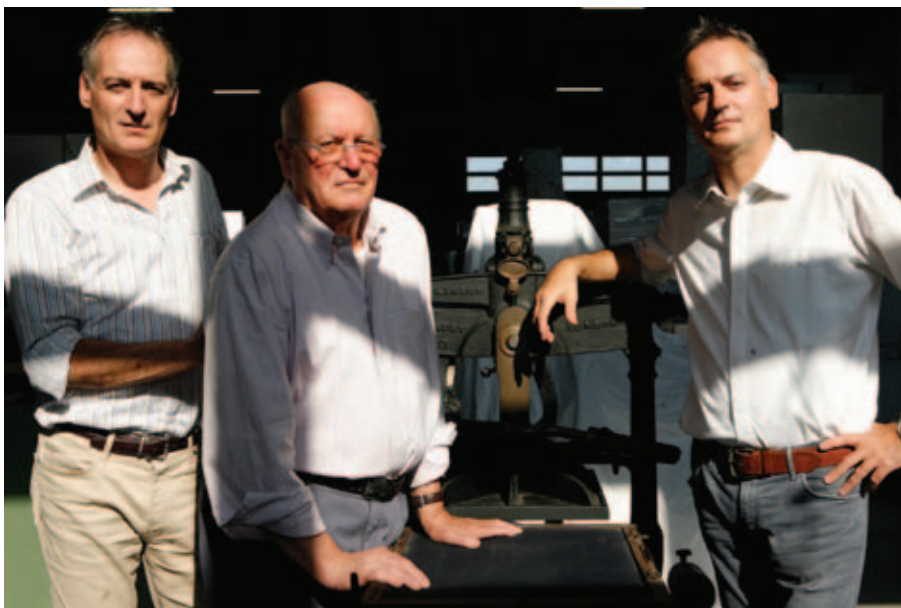
Поневолу вспомнилось: «Какая до- рога ведет к храму». Неужели в Рос- сии началось какое-то движение? Ча- рышников боялся поверить, но не верить было еще страшнее. Собрал «Царей» и приехал. Костя Журавлев – фигура надежная в книжном мире, победитель всех возможных выста- вок, входит в пятерку самых успеш- ных и известных книжных дизайне- ров России. И то, что он просто сказал своему другу: «Приезжай», – было попыткой скрыть свою заветную мечту. Море книг сделано, море призов по- лучено. А где та самая книжка? Слож- ная до невозможности, чтобы сде- лать так, как никто больше не сможет. Пусть эта, одна-единственная книжка

передаст всё его мастерство. И пони- мал, что путь к ней очень долог. Он де- лал книги и альбомы о русском аван- гарде и рисунках Эйзенштейна, аль- бом якутских алмазов и «Москов- ский Кремль на рубеже столетий», уникальные книги о Льве Баксте (30 экземпляров) и «Золотую книгу. Со- кровещица России. Из собрания Ору- жейной палаты» (50 экземпляров). Из призов достаточно вспомнить глав- ный приз конкурса «Просвещение че- рез книгу» за «Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Чу- дотворца, написанное Премудрей- шим Епифанием» и «Вселенную Сред- невековья», победившую в номина- ции «Арт-книга» на Международной книжной выставке-ярмарке 2012 года, просто потому что они близки к теме сегодняшнего разговора...

Когда начался его путь к книге? Может быть, еще до его рождения – когда выселяли немцев Поволжья с родных земель в Казахстан? Муж- чин – в Челябинск, женщин – в Кара- ганду, и в результате переселения се- мьи он родился на Урале и вместо ху- дожественной школы должен был иди- ти в техникум учиться на металлурга, чтобы встать на ноги и не быть обу- зой родне? Вот именно тогда, навер- ное, всё и началось – с иллюстраций к Данте. И после армии, в институте, где он был на курсе старше других, и оттого в свободное время ему оста- валось только читать книжки в би- блиотеке и рисовать. Потом приехал в Москву и сразу поступил в Поли- графический институт на отделение книжной графики, в ученики самого академика Васнецова.

Он шел от книжки к книжке, от вы- ставки к выставке. Он дождался – се- годня выходит множество великолеп- ных изданий. Подарочных фолиантов и альбомов. Но... все-таки не таких, как в его мечтах.

По его идее, Книга Царств должна быть собрана вручную, напечатана на особой бумаге. И конечно, листы ил- люстраций должны передавать всю гамму чёрного, белого и серого цве- тов. Плюс полутона акварелей. Макет Журавлева подразумевает диалог тек- ста и иллюстраций. Цитаты рисунков вплетены в ткань книги, стихи Би- блии сопряжены с листами иллюстра- ций. Деревянная коробка, в которой

Мауро и Масимо Франк с отцом у пресса XIX века

содержатся листы офортов и текст, передают образ библиотеки в миниатюре – сокровищницы, получившей имя от главной книги – Библии. Шёлк обложки, совпадающий с рисунком дерева в разрезе, – единство материй, единство всего сущего. Древо жизни. Древо смысла. Зримая красота смысла. Растительные орнаменты отделки как знак книги....

Макет – это не только идея и не только архитектура. Это воплощение, это материал и мастерство исполнения. Да возможно ли это? Где такое издать?

На одной из международных выставок Журавлёв рассказал о Книге Царств итальянскому типографу Мауро Франку, делающему книги по заказу Ватикана. И Мауро осторожно ответил: «Это очень интересно. Я бы попробовал».

Типография семьи Франк ведёт свою историю с конца XIX века. Это долгая история, учитывая потрясения, войны и коммерциализацию искусства в XX веке. Не только у нас, но и в Европе разрушили культуру книги. В Италии многие типографии перепрофилировались, мастерство ушло из рук, сменились владельцы. Но дело братьев Франк устояло, хотя родословная типографии близ Падуи, в 30 километрах от Венеции, могла закончиться в сороковые.

Владелец предприятия не имел наследников. Он был стар, а все дееспособные мужчины рекрутированы на войну. Дело передать было некому. И тогда он приглядел сироту, мальчишке 15 лет, отец погиб на фронте. А подросток, вместо того чтобы гонять с ребятами по кругу контрабанду, объединяться в шайки и банды, ездит на велосипеде на виллу Контарини, помогает реставрировать книги, буквально за гроши. Он взял его сначала курьером, потом пригляделся, увидел, что парень способен овладеть основами мастерства. Когда увидел, что овладел, передал ему своё дело. Сегодня тому мальчишке 86 лет. А он все так же ходит в типографию и лично шивает вручную редкие книги, передаёт мастерство теперешним мастерам и подмастерьям.

Они так же обедают за общим столом и так же говорят о книгах, об интересных и редких проектах, об уди-

Ю. Чарышников. Иллюстрация из Книги Царств Библии

вательных заказах, как сто лет назад. Как сто лет подряд. Каждый раз, получая сложное задание, считают, что это Божье провидение и послание доброго знака свыше. Их дело не канет в лету, книги нужны людям.

У того мальчишки выросли сыновья-близнецы – Масимо и Мауро, нынешние владельцы дела. Владельцы и продолжатели. И когда они получили заказ на Библию XXI века, то приняли это как естественный и логичный знак: «То, что Библия в очередной раз объединяет людей разных христианских конфессий – католиков, православных, протестантов, то, что за каждым из этих людей есть своя история, говорит о том, что издание это своевременно. Впрочем, Библия всег-

да своевременна и всегда объединяла своей мудростью всех людей на земле. Давала надежду тем, кто верит. И тем, кто не верит».

... Перед мной Библия наших дней. Наше послание о времени и о себе. Это дуэт художника-иллюстратора Юрия Чарышникова и художника-дизайнера Константина Журавлёва в оркестровом исполнении типографии братьев Франк, – так сказали мне дирижеры-издатели. Или почти так... Мне понравилась эта фраза, и я свободно импровизирую на эту тему, рассматривая Книгу со всех сторон. Книгу книг.

Филипп ПАСТУХОВ